УДК 1(019)
DOI: 10.17223/1998863X/44/3

В.В. Оглезнев

«ОТКРЫТАЯ ТЕКСТУРА» ЯЗЫКА, СМУТНОСТЬ И ПРИНЦИП КОНТЕКСТНОСТИ¹

Подробно рассматриваются идеи «открытой текстуры» языка и смутности понятий в том виде, в котором они были сформулированы в работах Фридриха Вайсмана, а также связанные с этим некоторые проблемы верификационизма. Показано, что эмпирические высказывания невозможно окончательно верифицировать, по крайней мере из-за открытой текстуры используемых в них понятий. Предложена интерпретация открытой текстуры как возможности смутности, которую в отличие от открытой текстуры устранить можно посредством корректировки определения.

Ключевые слова: открытая текстура, смутность, верификация, принцип контекстности, естественный язык.

Идея о том, что эмпирические понятия обладают таким свойством, как «открытая текстура»², была разработана Фридрихом Вайсманом в качестве аргумента против феноменалистской позиции о сводимости высказываний о материальных объектах к высказываниям о чувственных данных, с одной стороны, и против верификационизма в целом, с другой стороны. Мы потому не можем окончательно верифицировать эмпирические высказывания, что используемые в них термины, а также выражающие эти термины понятия, обладают «открытой текстурой». Такие термины и понятия не имеют ограничений своего использования, поскольку «ни один набор правил не может установить их применение для всех возможных ситуаций» [1. Р. 141]. Причина этого в том, что мы не можем предусмотреть все возможные ситуации, в которых такое применение может иметь место. Таким образом, эмпирические высказывания, в которых используются такие термины, не могут быть окончательно верифицированы, следовательно, окончательная верификация не может рассматриваться как адекватный критерий осмысленности таких высказываний.

Вайсмана не удовлетворяла идея логического позитивизма о том, что значением высказывания является метод его верификации. Он пытался объяснить, что между значением и верификацией есть более тонкая связь. По его

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00119а.

² Английская версия термина «open texture» является произвольным переводом оригинальной немецкой фразы «die Porosität der Begriffe». Английская версия («open texture») была предложена Вайсману Уильямом Нилом [2. Р. 119], и именно эта версия получила широкое распространение в современной литературе. Синонимом «open texture» является выражение «the porosity of concept», которое является дословным переводом «die Porosität der Begriffe» и которое следовало бы перевести на русский язык как «пористость понятия», т.е. рыхлость или в более специальном смысле – нестабильность понятия, что в большей степени соответствует семантике этого термина. Но для сохранения некоторой лингвистической преемственности в этом тексте используется калька английской версии.

мнению, эмпирические высказывания невозможно окончательно верифицировать по двум причинам. Во-первых, несмотря на то, что можно установить конечное число эмпирических фактов, подтверждающих высказывание «Это – кошка», с точки зрения логики их недостаточно для его истины; всегда есть возможность оказаться жертвой искаженных фактов, т.е. всегда остается возможность появления фактов, которые мы не могли предвидеть. Во-вторых, даже если предположить, что в нашем распоряжении каким-то образом оказались все эмпирические факты, как прошлые, так и будущие, но этого все равно может быть недостаточно для установления истины или ложности высказывания «Это – кошка»: «Мы не можем предвидеть все возможные случаи, в которых такие термины должны использоваться; всегда остается возможность, хотя и слабая, что мы не учли того или иного, что может иметь отношение к их использованию; и это означает, что мы не можем предвидеть все возможные обстоятельства, при которых высказывание истинно или ложно» [2. Р. 121]. Вайсман не имеет в виду скептическую возможность того, что весь мой опыт может быть работой злого гения, который обеспечивает истинность высказывания «Это – кошка», делая при этом высказывание ложным; он не предполагает, что истинностная оценка высказывания может выходить за пределы возможных эмпирических фактов. Скорее, он указывает на случаи, когда опыт принимает неожиданный оборот, чего не было предусмотрено значением высказывания:

Предположим, что мне нужно верифицировать высказывание вроде следующего: «В соседней комнате есть кошка». Предположим, я иду в соседнюю комнату, открываю дверь и действительно вижу кошку. Достаточно ли этого, чтобы доказать мое утверждение? Или я должен вдобавок потрогать кошку, погладить ее, чтобы она замурлыкала? Предполагая, что я все это сделал, могу ли я быть абсолютно уверен, что мое высказывание было истинным? Мы сразу же сталкиваемся с хорошо известным с античных времен набором скептических аргументов. Что, например, мне следует сказать, если позднее это существо выросло до гигантских размеров? Или если это существо повело себя как-то странно, что обычно не случается с кошками, скажем, если при определенных условиях оно смогло ожить после смерти, чего не могут обычные кошки? Должен ли я в таком случае сказать, что появился новый вид кошки? Или что это была кошка с необыкновенными способностями? [Ibid. Р. 119].

Такого типа высказывания невозможно ни верифицировать, ни фальсифицировать; следовательно, они не истинны и не ложны. Так происходит потому, что используемые в них эмпирические понятия (например, «кошка») обладают открытой текстурой. Кроме того, Вайсман предлагает различать «открытую» и «закрытую» текстуру понятий, что непосредственно связано, по его мнению, с проблемами редукционизма: «Открытая текстура, отсутствующая у логических и математических понятий, является очень важной чертой большинства наших эмпирических понятий. То, что структура эмпирического знания настолько отличается от структуры априорного знания, каким-то образом, возможно, связано с различием открытой и закрытой текстуры» [3. Р. 225]. Отсутствие открытой текстуры у логических и математических понятий связано с тем, как формируется априорное знание в логике и математике. Понятия логики и математики это не эмпирические, но теорети-

ческие понятия, они обладают «закрытой текстурой». Например, идея «открытой текстуры» не приложима к натуральному ряду чисел, поскольку натуральный ряд бесконечен. Но наша неспособность его определить не свидетельствует об открытой текстуре понятий математики, но лишь о незаконченности верификации. Открытая текстура указывает на то, что содержание любого эмпирического понятия до конца не известно. Напротив, содержание теоретических понятий (понятий логики и математики) определено до конца, например, понятие натурального числа задается индуктивным определением через построение натурального ряда. Следовательно, априорное и эмпирическое знание различается не благодаря своему источнику, но «текстуре» своих терминов. Такой подход дает совершенно иное понимание того, каким образом устанавливается истинность высказываний в рамках определенного дискурса, т.е. он сводит важную проблему понимания того, что значит для высказывания быть истинным или ложным, к проблеме того, обладают ли термины «открытой» или «закрытой» текстурой.

Критическая позиция Вайсмана против верификационизма, в основании которой лежала идея «открытой текстуры» эмпирических понятий, получила неожиданное дальнейшее развитие. Особенно в области современной философии права и философии языка [4–8] феномен «открытой текстуры» стал самостоятельным предметом исследования. Но, пожалуй, наиболее плодотворные дискуссии развернулись после попытки Герберта Харта применить заимствованную у Вайсмана идею «открытой текстуры» к анализу юридического языка [9. С. 128–139], что вызвало множество вопросов. Изменилась ли эта идея после заимствования? Одинаковым ли образом Харт и Вайсман понимали идею «открытой текстуры»? Возможно ли применить идею «открытой текстуры» к неэмпирическим высказываниям? Споры относительно возможных ответов на эти вопросы не утихают до сих пор. Но как бы то ни было, попытки эксплицировать идею «открытой текстуры» в других типах дискурса привели к ее новой интерпретации.

Интерес к исследованию этой проблематики сегодня связан не только и столько с самой идеей «открытой текстуры», но, прежде всего, с тем, как Вайсман предлагал различать «открытую текстуру» и смутность (*vagueness*) эмпирических понятий и языка в целом и какое он видел в этом значение. Здесь следует отметить, что идея смутности не является собственной разработкой Вайсмана, а была хорошо известна (в первую очередь в философии математики [10, 11]) задолго до публикации его статьи «*Verifiability*», в которой идеи смутности и открытой текстуры впервые были представлены. Но ни одно современное исследование открытой текстуры или смутности языка не обходится без анализа известного тезиса Вайсмана от том, что «открытая текстура является чем-то вроде возможности смутности».

Смутность следует отличать от *открытой текстуры*. Слово, которое фактически используется изменчивым способом (например, «куча» или «розовый»), считается смутным; термин, вроде термина «золото», хотя его фактическое употребление может не быть смутным, не имеет исчерпывающего определения или обладает открытой текстурой в том смысле, что мы никогда не сможем заполнить все возможные пробелы, через которые может просочиться сомнение. Поэтому открытая текстура является чем-то вроде *возможности смутности* (*possibility of vagueness*). Смутность может быть устранена

посредством установления более точных правил, открытая текстура – нет. Иначе говоря, определения открытых терминов *всегда* являются корректируемыми [2. Р. 120].

Именно этот пассаж стал, в некотором смысле, классической формулировкой идеи «открытой текстуры» и ее отличий от смутности, даже несмотря на то, что сегодня эта идея получила разные интерпретации. Например, Стюарт Шапиро отмечает, что «использование Вайсманом термина „открытая текстура“ несколько отличается от того, как он используется сегодня, хотя они тесно связаны; его „открытая текстура“ ближе к современному понятию „неопределенный“ или „неустановленный“» [8. Р. 211]. Но тем не менее предложенное Вайсманом разграничение открытой текстуры и смутности продолжает оставаться в центре дискуссий. Очевидно, что здесь не обойтись без внимательного исследования приведенной выше цитаты, поскольку понятие «открытой текстуры», равно как и смутности, «часто используются сегодня без объяснения того, что они на самом деле означают» [12. Р. 1]. Это требует значительного уточнения содержания идей «открытой текстуры» и смутности.

Как открытая текстура связана со смутностью? Кроме указанного фрагмента, Вайсман нигде больше не объясняет, как открытая текстура связана со смутностью и что значит утверждение «открытая текстура является чем-то вроде возможности смутности». Идея же открытой текстуры, напротив, получила весьма подробное освещение, отчасти из-за того, что Вайсман считал, что «открытая текстура является фундаментальным свойством большинства, хотя и не всех, эмпирических понятий, и именно эта текстура мешает нам окончательно верифицировать большинство наших эмпирических высказываний» [2. Р. 120–121]. Позднее он даже признает, что «открытая текстура» является основным свойством всех понятий, а не только «эмпирических». В «The Principles of Linguistic Philosophy» Вайсман утверждает, что ни одно понятие, независимо от контекста, не удовлетворяет требованию полной ясности: «Ни одно понятие не может быть образовано таким образом, чтобы не осталось никаких сомнений» [13. Р. 223].

То, что мы не можем окончательно верифицировать эмпирические высказывания, непосредственно связано с тем, что мы не можем окончательно определить используемые в них понятия, потому что эти понятия обладают свойством открытой текстуры. В этом заключается фундаментальный посыл Вайсмана при попытке дать определение понятию: сколько бы мы ни пытались определить понятие, устанавливая все новые и новые его признаки, открытую текстуру мы устранить не можем, поскольку всегда можем найти такой предмет, который не подпадает под наше понятие, но который вроде бы следовало туда отнести. Мы вынуждены в таком случае корректировать определение понятия, добавляя дополнительные признаки другими способами. Но это не означает, что мы пришли к окончательному определению. Понятие всеравно характеризуется открытой текстурой, которая в самом понятии заложена и которая, в свою очередь, может порождать смутность. Но смутность в отличие от открытой текстуры в принципе устранима, именно в этом смысле открытая текстура является возможностью смутности. Здесь следует иметь в виду то, что даже если мы смутность устраняем, она потенциально может возникнуть снова, потому что открытая текстура остается.

Выходит, что смутность как бы произрастает из открытой текстуры. Смутность мы устранить можем, но может возникнуть другая смутность, именно в этом отношении открытая текстура есть потенциальность (возможность) смутности. Поскольку есть открытая текстура, всегда есть возможность смутности.

К схожим выводам приходит Тимоти Уильямсон. Он считает, что понятие является смутным только тогда, когда *фактически возникают* неустановленные случаи, т.е. случаи, которые мы не предвидели; в то время как понятие характеризуется открытой текстурой тогда, когда такие случаи *могут возникнуть*. То есть все смутные понятия обладают открытой текстурой, но понятие вроде «золота» может обладать открытой текстурой без смутности, если мы можем вообразить неустановленные случаи, но которые фактически никогда не возникнут: «Смутность можно устранить при оговорке, что для этого потребуются лишь реальные случаи. Открытая текстура может быть уменьшена, но не устранена полностью, при оговорке, что мы не можем предусмотреть все виды неустановленных случаев, которые могут возникнуть. Даже если бы мы могли это сделать, то термины, в которых мы делали эти оговорки, сами бы обладали открытой текстурой» [7. Р. 90–91]. Однако Уильямсона не удовлетворяет объяснение Вайсмана о необходимости использования открытой текстуры высказываний о физических объектах, чтобы показать, почему они не могут быть переведены в эмпирические высказывания. Он считает такой подход незавершенным, поскольку, по его мнению, Вайсман упускает из виду то, что высказывание с открытой текстурой может быть переведено в другое высказывание с открытой текстурой: «То, что Вайсман должен показать, заключается в том, что открытая текстура в эмпирических высказываниях не может соответствовать открытой текстуре в высказываниях о физических объектах. Но он этого не сделал» [Ibid. Р. 91]. Но с данным утверждением Уильямсона нельзя согласиться, потому что Вайсман на это все-таки указывал, пусть даже и не так явно. Он развивал концепцию языка, который как бы «расслаивается на уровни»: «Язык кажется разделенным на слои провалами, через которые мы можем перепрыгнуть, но через которые мы не можем навести мосты с помощью логических процедур» [3. Р. 228]. Каждый языковой слой, по мнению Вайсмана, имеет свою собственную логику; высказывания могут быть истинными в различных смыслах, что они могут быть верифицированы в различных смыслах, что они могут быть полными или неполными в различных смыслах, что в действительности сама логика может изменяться вместе с видом высказывания. Это предполагает группировку в одном слое всех тех предложений, которые являются однородными, т.е. которые логически ведут себя одинаково. В разных слоях применяются разные понятия истины: истинность высказывания о субъективном впечатлении отличается от истинности высказывания о материальном объекте, которое, в свою очередь, отличается от истинности физического закона. Аналогичным образом меняются и способы верификации этих высказываний. Отношения между разными слоями имеют весьма сложную природу, что не позволяет свести высказывание одного слоя к другому. Это как раз и свидетельствует о том, что «открытая текстура в эмпирических высказываниях не может соответствовать открытой текстуре в высказываниях о физических объектах» [2].

Идея открытой текстуры как возможности смутности является важной частью философско-лингвистической концепции Вайсмана – многоуровневой структуры языка [3. Р. 223], в рамках которой возможно отделить один языковой слой от другого, например язык материальных объектов от языка чувственных впечатлений. Точка зрения Вайсмана, как верно отмечает Энтони Квинтон, заключается не столько в том, что слова обычного языка являются смутными, но в том, что есть пограничные случаи, когда мы не можем решить, применять ли эти слова или нет; тем более что на практике действительные условия их применения удовлетворяются лишь тогда, когда удовлетворяются другие, не включенные в них, определенные условия. Мы вынуждены признать неопределенным тот мыслимый случай, когда одни условия удовлетворяются, а другие условия, сопутствующие им, нет [14. Р. 13]. Возможно, по этой причине Вайсман не обращал особого внимания на феномен самой смутности, поскольку считал, что смутность термина в отличие от его открытой текстуры можно устранить посредством уточнения его определения или изменения контекста его употребления. Смутность, таким образом, становится чувствительным к контексту явлением. Например, Стюарт Шапиро утверждает, что смутность соответствующего термина обнаруживается только в контексте его употребления [15. Р. 308]. Это значит, что смутным становится не сам термин, обозначающий некий объект, но его значение в определенном контексте. Сам по себе термин не является ни ясным, ни неясным, ясным или неясным может быть его значение, прояснить которое можно только изменением контекста: «Мы не можем знать, является ли слово смутным, пока не узнаем, как оно используется» [4. Р. 511]. Если применение термина порождает пограничные случаи, то этот термин будет смутным, вернее, смутным будет его значение: «неправильно рассматривать смутность как свойство слов; напротив, смутность – это свойство значения слова» [Ibid. Р. 520].

На эти размышления о контекстной чувствительности смутных терминов, по-видимому, повлияли похожие идеи Г. Фреге и Л. Витгенштейна. Так, Фреге в «Основоположениях арифметики» предлагает среди прочих придерживаться правила, что «о значении слова нужно спрашивать не в его обособленности, а в контексте предложения» [16. С. 139]; «всегда необходимо учитывать полное предложение; только в нем слова обладают подлинным значением» [Там же. С. 196]. Этот аргумент Фреге более известен в истории философии как принцип контекстности, «которой требует рассматривать логическую позицию того или иного выражения только в контексте целостного выражения» [17. С. 180]. При этом на утверждение Вайсмана о том, что «смутность может быть устранена посредством установления более точных правил» или посредством изменения контекста употребления термина, оказали серьезное влияние идеи «Логико-философского трактата» Витгенштейна, где сказано, что «только предложение имеет смысл; имя обретает значение лишь в контексте предложения» [18. С. 13]. Но особенностью подхода Вайсмана в отличие от некоторых современных теорий является то, что он считал, что смутность устраняется не контекстом или фактом появления нового контекста, но корректировкой ранее сформулированного определения путем добавления в содержание понятия новых признаков и свойств. Но открывая текстура у таких понятий остается, именно в этом смысле открытая текстура есть возможность смутности.

Литература

1. Margalit A. Open Texture // *Meaning and Use* / ed. by A. Margalit. Dordrecht : Springer, 1979. P. 141–152. (Synthese Language Library (Texts and Studies in Linguistics and Philosophy), vol. 3).
2. Waismann F. Verifiability // *Logic and Language* / ed. by A. Flew. 1st ed. Oxford : Basil Blackwell, 1960. P. 117–144.
3. Waismann F. The Many-Level-Structure of Language // *Synthese*. 1946. Vol. 5, № 5/6. P. 221–229.
4. Waldron J. Vagueness in Law and Language: Some Philosophical Issues // *California Law Review*. 1994. Vol. 82, № 3. P. 509–540.
5. Endicott T. Vagueness in the Law. Oxford : Oxford University Press, 2000.
6. Keil G., Poscher R. Vagueness and Law: Philosophical and Legal Perspectives. Oxford : Oxford University Press, 2016.
7. Williamson T. Vagueness. London : Routledge, 1994.
8. Shapiro S. Vagueness in Context. Oxford : Oxford University Press, 2006.
9. Харп Г.Л.А. Понятие права. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2007.
10. Russell B. Vagueness // *Australasian Journal of Psychology and Philosophy*. 1923. Vol. 1:2. P. 84–92.
11. Black M. Vagueness: An Exercise in Logical Analysis // *Philosophy of Science*. 1937. Vol. 4. P. 427–455.
12. Bunikowski D. The Origins of Open Texture in Language and Legal Philosophies in Oxford and Cambridge // *Rechtstheorie*. 2016. Vol. 47. P. 1–24.
13. Waismann F. The Principles of Linguistic Philosophy. London : Macmillan Press, 1965.
14. Quinton A. Introduction // Waismann F. *Philosophical Papers* / ed. by B. McGuinness. Dordrecht : D. Reidel Publishing Company, 1977. P. 9–22.
15. Shapiro S. Vagueness, Open-Texture, and Retrievability // *Inquiry*. 2013. Vol. 56, № 2. P. 307–326.
16. Фреге Г. Логико-философские труды. Новосибирск : Сибирское университетское изд-во, 2008.
17. Суровцев В.А. Принцип контекстности: к вопросу о генезисе // *Методология науки* : сб. тр. Томск, 1998. Вып. 3 : Становление современной научной рациональности. С. 179–185.
18. Витгенштейн Л. Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. 1.

Vitaly V. Ogleznev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); West Siberian Branch of the Russian University of Justice (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: ogleznev82@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 44. pp. 25–32.

DOI: 10.17223/1998863X/44/3

THE “OPEN TEXTURE” OF LANGUAGE, VAGUENESS, AND CONTEXT PRINCIPLE

Keywords: open texture; vagueness; verification; context principle; natural language.

The article presents a careful analysis of the idea of the “open texture” of language and vagueness of concepts in the way that they were formulated by Friedrich Waismann as well as related problems of verification. It shows that empirical statements are not conclusively verifiable for, at least, the open texture of the terms involved. We cannot conclusively verify statements in which empirical concepts are used, because we cannot define these concepts in an exhaustive way due to their open texture. The author proposes interpreting the open texture as a possibility of vagueness; vagueness can be remedied by giving more accurate rules, the open texture cannot.

References

1. Margalit, A. (1979) Open Texture. In: Margalit, A. (ed.) *Meaning and Use*. Springer, Dordrecht. pp. 141–152. DOI: 10.1007/978-1-4020-4104-4
2. Waismann, F. (1960) Verifiability. In: Flew, A. (ed.) *Logic and Language*. 1st ed. Oxford: Basil Blackwell. pp. 117–144.
3. Waismann, F. (1946) The Many-Level-Structure of Language. *Synthese*. 5(5/6). pp. 221–229.

4. Waldron, J. (1994) Vagueness in Law and Language: Some Philosophical Issues. *California Law Review*. 82(3). pp. 509–540. DOI: 10.15779/Z38WB2M
5. Endicott, T. (2000) *Vagueness in the Law*. Oxford University Press.
6. Keil, G. & Poscher, R. (2016) *Vagueness and Law: Philosophical and Legal Perspectives*. Oxford University Press.
7. Williamson, T. (1994) *Vagueness*. London: Routledge.
8. Shapiro, S. (2006) *Vagueness in Context*. Oxford University Press.
9. Hart, G.L.A. (2007) *Ponyatiye prava* [The Concept of Law]. Translated from English. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
10. Russell, B. (1923) Vagueness. *Australasian Journal of Psychology and Philosophy*. 1(2). pp. 84–92. DOI: 10.1080/00048402308540623
11. Black, M. (1937) Vagueness: An Exercise in Logical Analysis. *Philosophy of Science*. 4. pp. 427–455. DOI: 10.1080/03081079008935103
12. Bunikowski, D. (2016) The Origins of Open Texture in Language and Legal Philosophies in Oxford and Cambridge. *Rechtstheorie*. 47. pp. 1–24. DOI: 10.3790/rth.47.2.141
13. Waismann, F. (1965) *The Principles of Linguistic Philosophy*. London: Macmillan Press.
14. Quinton, A. (1977) Introduction. In: Waismann, F. (1977) *Philosophical Papers*. Reidel Publishing Company, Dordrecht. pp. 9–22.
15. Shapiro, S. (2013) Vagueness, Open-Texture, and Retrievability. *Inquiry*. 56(2). pp. 307–326. DOI: 10.1080/0020174X.2013.784486
16. Frege, F.L.G. (2008) *Logiko-filosofskiye trudy* [Logical-philosophical works]. Translated by V.A. Surovtsev. Novosibirsk: Sibirskoye universitetskoye izdatelstvo.
17. Surovtsev, V.A. (1998) Printsip kontekstnosti: k voprosu o genezise [Context principle: to the question of genesis]. *Methodology of Science*. 3. pp. 179–185.
18. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskiye raboty* [Philosophical Works]. Part 1. Moscow: Гнозис.